

PG 3361
.S72B9
1858

БЫЛОЕ.

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ,

ГЛАВА 1-я и 2-я.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Стаховича.

МОСКВА.
1858.

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

Glass 125-126

Book 125-126

YUDIN COLLECTION

Гов. Вилла

БЫЛОЕ

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

Stakhovich, Mikhail Alexandrovich
" Byloe.

БЫЛОЕ.

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ,

ГЛАВА 1-я и 2-я.

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Стаховича.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ЧУКСИНА.

1858.

PG 3361

S72 B9

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отвѣчаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва. 2 Апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ.*

24 Dec 73

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ глуши пустынной и далекой
Среди Воронежскихъ степей
Есть хуторъ. Близъ него широко
Лежитъ дорога. Тамъ коней
Гоняютъ съ Дону косяками,
Обозъ идетъ, скрыпя возами,
Порой, подъ сѣнію ракиль,
Цыганскій таборъ здѣсь гостить.
И по степи необозримой
Синѣя стелется дымокъ:
Цыганъ и прасоль огонекъ
Разводятъ, и кусокъ любимой,
Сидя подъ фурую, хохоль
Кладетъ въ дымящійся котель.

120 73

II.

И степь ковыльная, глухая,
 Вокругъ поселка мирно спить.
 Чу, гдѣ-то пѣсня удалая
 Протяжно по полю звучить!
 Заря горить, и съ поля жнища
 Спѣшитъ, веселая дѣвица,
 И пѣсню звонкую поетъ;
 За нею сгорбившись бредетъ
 Съ серпомъ и съ граблями старушка,
 И въ слѣдъ имъ мѣрною стопой
 Старикъ съ сѣдою бородой
 Везетъ копну; сноповъ кладушка
 Телегу давить и гнететъ
 И степью громоздко идетъ

III.

И вотъ семья домой приходитъ,
 Хозяинъ въѣхалъ на гумно.
 Старуха ощупью находитъ
 Изъ сѣнецъ дверь. Въ избѣ темно
 И пусто. Возъ старикъ задвинулъ,
 Съ своей лошади упряжь скинулъ,
 Огни добылъ, фонарь нашелъ,
 Дозоромъ дворъ весь обошелъ.
 «Ну, нынче кончили работу,
 «Хозяйка, то-то я усталъ!»
 Лежась на печь онъ сказалъ,
 «И ужинъ будетъ мнѣ въ охоту.»
 И шей горшокъ въ печь кинитъ,
 Хлѣбъ-соль готова, столъ накрытъ.

IV.

Горячій уголь ярко рдится,
 Свѣтло пылаеть красный жаръ
 И по избѣ уже струится
 Ухи пахучей сизый паръ.
 Въ быту крестьянскомъ рѣдокъ лѣтомъ
 Особый ужинъ; вставъ со свѣтомъ
 Хозяйка рано топить печь,
 Обѣдъ готовить и безъ свѣчъ
 Трапезы утренней остатки
 На ужинъ подаетъ въ потьмахъ.
 Но если разведетъ очагъ,
 То вѣрно блюда будутъ сладки
 И ужинъ будетъ не простой —
 И нынче вышелъ день такой.

V.

Сосѣдней стени содержатель
 Вчера гостилъ у старика.
 Хозяйкѣ ласковый пріятель
 Привезъ въ гостинецъ судака
 Да стерлядей; за тѣмъ топила
 Старуха печь — уху варила.
 Хозяинъ нѣжился и ждалъ
 Отвѣдать рыбки; онъ дремалъ;
 Спокойною и свѣтлой думой
 Его перемежался сонъ.
 Доволенъ былъ и веселъ онъ,
 Обычно строгій и угрюмой.
 Онъ беззаботно отдыхалъ
 И про бывшее поминалъ

VI.

И правда, было, чѣмъ бывшее
 Ему припомнить; долгій вѣкъ
 Онъ жилъ, и время зналъ иное:
 Онъ былъ дворовый человѣкъ
 Въ помѣстьѣ знатномъ и богатомъ.
 Въ семьѣ ихъ двое жило съ братомъ.
 Всѣму имѣнью головой
 Былъ Прохоръ, братъ его меньшей.
 Онъ былъ прикащикъ дѣльной, строгой,
 Умѣлъ внушать почтеніе, страхъ,
 И мужиковъ держалъ въ рукахъ,
 Но честенъ былъ — и кралъ немного,
 Въ два года разъ запоемъ пилъ
 И мало денегъ накопилъ.

VII.

За то ужъ старшій братъ Кирило, —
 Такъ будемъ звать мы старика, —
 Былъ трезвъ и твердъ; въ немъ вѣсу было
 Пудовъ двѣнадцать, и рука
 Была съ ведро, могучи плечи,
 И голосъ грубъ, и кратки рѣчи,
 Какъ крылья брови, хмурый взглядъ,
 Обычаемъ мужиковать,
 Онъ въ дворѣ знатымъ не казался,
 Лаксемъ сроду не служилъ
 И ланги и зипунъ носилъ.
 Онъ былъ кузнецъ, и такъ остался
 Неграмотный простолюдинъ —
 И видѣлъ въ землю на аршинъ.

VIII.

Имѣнье Прохоромъ держалось,
 Кирилою держался домъ.
 Во всей деревнѣ отдавалось
 Ему почтенье, какъ съ отцомъ
 Прикащикъ жилъ со старшимъ братомъ,
 И всякій кумомъ, всякій сватомъ
 Пафнутьича имѣть желалъ.
 По всѣмъ крестинамъ занималъ
 На вышкахъ онъ любое мѣсто,
 Мѣрскою сходкой правилъ онъ,
 И — барину отдавъ поклонъ,
 Женихъ, пришедшій за невѣстой,
 Ему подарокъ записилъ:
 Онъ даже знахаремъ прослылъ.

IX.

Судьбой домашнею, простою,
 Вполнѣ бы онъ доволенъ былъ:
 Но было горе, что семьею
 Его Господь не надѣлилъ.
 При всей своей великой власти
 Кирило вовсе не по страсти
 Женился, какъ-то ужъ давно,
 Пришлось такъ; и суждено
 Его женѣ, Агафѣ, было
 За нимъ работать и молчать
 И вѣкъ покорно доживать.
 Она боялась и любила
 Кирилу, онъ былъ строгъ и лихъ:
 Но не было дѣтей у нихъ.

X.

Счастливѣй, нѣтъ ли, въ дѣлѣ этомъ
 Досталась Прохору въ удѣлъ
 Судьба другая: ужь со свѣтомъ
 Онъ былъ знакомѣ; смотрѣлъ
 Дворецкимъ важнымъ и спѣсивымъ,
 Зналъ грамотѣ, писалъ курсивомъ,
 Всегда во фракѣ, при часахъ,
 И увлекателенъ въ рѣчахъ.
 Въ Москву онъ пригонялъ обозы
 И съ господами тамъ живалъ,
 Кузнецкїй мостъ онъ посѣщалъ
 И сердца не избѣгъ запѣзы—
 Влюбился, и женой въ семью
 Привезъ московскую швею.

XI.

Но жизнь въ деревнѣ показала
 Московской дѣвушкѣ скучна;
 Какъ угождать ей ни старалась
 Во всемъ Кирилина жена,
 Хоть нѣжилъ самъ ее Кирилъ,
 Она все плакала, грустила,
 Сначала Прохоръ утѣшалъ
 Ее, потомъ сердиться сталъ:
 Днемъ уходилъ отъ горя, ночью
 Всю съ ней бранился на-пролетъ.
 Такъ съ нею маялся онъ годъ—
 И, всей семьѣ на радость, дочку
 Жена объ Святкахъ родила
 И отъ чахотки умерла.

XII.

Какъ дочь родилась, тутъ же вышелъ
 Въ семействѣ на крестинахъ споръ:
 У Прохора, Кирило слышалъ,
 Съ женой былъ прежде разговоръ,
 Чтобъ дочь у нихъ была Татьяна,
 Въ честь столь любимаго романа.
 А сынъ Евгений; только братъ
 Не дался Прохору подъ ладъ,
 Его повѣрья были крѣпки—
 Онъ по преданью имя ей
 Желалъ, а черезъ восемь дней
 День приходился Полухлѣбки.
 Онъ переспорилъ—и она
 Была Аксиньей названа.

XIII.

И вотъ у нихъ дитя, а дѣти—
 Богатство, счастье мужика,
 Съ дѣтьми и радость есть на свѣтѣ,
 Съ дѣтьми и жизнь ему легка!
 Случалось мнѣ видать дорогой,
 У двери хижины убогой
 Лежить маститый старичекъ
 И дремлетъ сладко, подъ шумокъ,
 На подгороженной постелѣ.
 Въ селѣ остался старъ и младъ,
 Вокругъ него толпа ребятъ,
 Надъ нимъ ребенокъ въ колыбели—
 И онъ съ дѣтьми, и самъ дитя,
 Кончается вѣкъ полу-шутя....

XIV.

О жизнь отрадная, простая!
 Кто ознакомитъ насъ съ тобой?
 И гдѣ пробьетъ, страна родная,
 Родникъ всей жизни вѣковой?
 И кто, о Русская природа,
 О быть великаго народа,
 Постигнетъ образъ твой и звукъ?
 Дабудетъ это дѣло рукъ
 Пѣвцовъ грядущихъ поколѣній!
 Вы, предъизбранные судьбой!
 Я вѣрю, правдой и хвалою
 Прославить Русь грядущій геній
 И, орлій зря ея полетъ,
 И онъ, какъ Пушкинъ, воспоетъ!

XV.

«Впередъ, впередъ, моя исторія!»
 Прикащикъ ширъ приготавлилъ
 И дочь крестить отца Григорья
 Онъ благочиннаго позвалъ,
 И пригласилъ весь околодокъ.
 Мадеры, рому разныхъ водокъ
 Возъ цѣлый въ городѣ купилъ,
 И каждый гость произносилъ
 Ему желанье благъ душевно.
 Кирило даже хмѣленъ сталъ—
 Впервые въ жизнь онъ подгулялъ,
 Сидя съ кумою Тимофевной.
 Онъ самъ племянницу крестилъ,
 Онъ этимъ гордъ и счастливымъ былъ.

XVI.

И вѣренъ искреннему слову
 Онъ сталъ Аксютинымъ отцомъ:
 Мать умерла, онъ ей корову
 Купилъ и выкормилъ рожкомъ.
 И все село тому дивилось,
 Какая нѣжность въ немъ родилась,
 Какъ онъ ребенка полюбилъ!
 За нимъ онъ нянькою ходилъ.
 Бывало, въ старомъ полушубкѣ,
 Онъ на порогѣ съ ней сидитъ,
 «Агу»- нить съ ней и говоритъ,
 Играетъ въ ладушки и въ губки,
 И не заглянетъ цѣлый день
 Ни на гумно, ни въ половень.

XVII.

Ему заботы были эти
 Такъ новы, онъ такъ счастливъ былъ:
 Онъ сильно въ первый разъ на свѣтѣ
 Живое существо любилъ.
 Дитя онъ нѣжилъ и покоилъ,
 Объ немъ впередъ онъ планы строилъ—
 И въ жизни въ первый разъ мечталъ:
 Какъ выростетъ, какоебъ далъ
 Онъ ей приданое, быть можетъ,
 На волю выкупить ее....
 Вотъ это было бы житье!
 А тамъ какъ если Богъ поможетъ.
 За ней бы деньги къ деньгамъ взять,
 Да за купца ее отдать«....

XVIII.

Здоровъ, и радощенъ, и свѣтелъ,
 Рстетъ ребенокъ третій годъ.
 За нимъ Кирило не замѣтилъ,
 Что Прохоръ снова горько пьетъ;
 Онъ на работахъ не бываетъ,
 Съ купцами въ городѣ гуляетъ.
 Отбился отъ дому, и радъ,
 Что ужъ за нимъ не смотритъ братъ
 Шло время, долголь, коротко-ли,
 Нашъ Прохоръ очень захворалъ,
 Къ нему и лѣкаръ пріѣзжалъ,
 Рецептъ оставилъ поневолѣ;
 Рецептъ однако жъ не помогъ
 Ни сколько, — онъ въ постелю слегъ

XIX.

И умеръ Прохоръ, и осталась
 Аксюта круглой сиротой.
 Кирилъ много доставалось
 Тогда терпѣть, — совсѣмъ иной
 У нихъ порядокъ заводился.
 Его прижали, онъ сердился,
 Но самъ управы не искалъ;
 Молчалъ, терпѣлъ и только ждалъ,
 Что скоро баринъ самъ прибудетъ
 И старыхъ слугъ воспомянетъ.
 «Онъ деньги за себя внесетъ,
 «А можетъ баринъ такъ разсудитъ»....
 И вотъ на праздники зимой
 Пріѣхалъ баринъ молодой.

XX.

Приѣхалъ баринъ!« И взметалась
 Вся дворня въ разныхъ суетахъ.
 Кирилъ смутно показалось.
 Какъ будто онъ почувалъ страхъ
 Впервые въ жизни. Онъ боялся
 Не за себя; онъ оставался
 Охотно вѣчно крѣпостнымъ, —
 Чего ему? домкомъ своимъ
 Онъ жилъ покойно; въ сумкѣ старой
 Нарочно онъ заплатъ нашилъ,
 И въ ней таинственно хранилъ
 Давно цѣлковые подъ нарой.
 И съ этой бы сумой на вѣкъ
 Въ деревнѣ былъ онъ человѣкъ.

XXI-

Не то, не то его смущало
 И онъ боялся не того,
 Его, сердечнаго, пугала
 Судьба племянницы его.
 Кирило самъ съ собой толкуетъ:
 «Какъ? дочь прикащика свѣкуетъ
 Дворовой дѣвкой? что за статья!
 «Такъ пѣтъ, тому же не бывать:
 «Онъ къ барину пойдетъ съ поклономъ,
 «Онъ деньги за себя отдастъ,
 «А тамъ—Его святая власть...»
 И такъ на ложѣ сна со стономъ
 Онъ думу крѣпкую гадалъ,
 И почи цѣлыя не спалъ.

XXII.

Томимъ предчувствіемъ недаромъ,
 Большаго онъ событія ждалъ,
 И съ дворней на поклонъ къ боярамъ
 Въ хоромы трепетно вступалъ.
 И господинъ его замѣтилъ,
 Привѣтною улыбкой встрѣтилъ:
 «Кирило, кстати, мнѣ съ тобой
 «Сказать два слова милой мой,
 «Пойдемъ!» И въ залъ и въ гостиной
 Кирило съ роду не бывалъ,
 И осторожно выступалъ,
 Любуясь зеркаломъ, гардиной.
 Подъ тяжестью его паркетъ
 Трепещетъ. — онъ входитъ въ кабинетъ.

XXIII.

И сталъ у притолки Кирило
 И руки опустилъ по швамъ.
 Ему лицо не измѣняло:
 Ни по бровямъ, ни по усамъ
 Движенія не пробѣгало.
 Хоть сердце билось и стучало,
 Но духомъ онъ не оробѣлъ
 И въ землю пристально глядѣлъ.
 И началъ баринъ: «Ну Кирило,
 «Не стало брата твоего,
 «Заслуги прежнія его
 «Мнѣ памяты; мнѣ жалко было
 «Что я его ужъ не засталъ.»
 Кирило кланялся, молчалъ.

XXIV.

«И такъ» — помѣщикъ продолжаетъ —

«Я память Прохора почтить

«Хочу» и онъ ему вручаетъ

Бумажникъ. «Начинайте жить,

«На первый разъ я васъ устрою.

«А вотъ тебѣ со всей семьею

«Отпускную дарую я,

«А эти деньги отъ меня

«Племянницѣ на воспитаще...,»

И думаетъ Кирило мой:

«И такъ прощай, Господь съ тобой,

«Мое бывшее состоянье!»

Иконамъ кланяется онъ—

И въ поги барину поклонъ!

XXV.

Онъ въ эту свѣтлую минуту

Все счастье жизни испыталъ!

Теперь, взирая на Аксюту,

Онъ это время поминалъ.

Ужъ лѣтъ тому минуло много;

Но всякій день усердно Бога

За милость онъ благодарилъ.

Съ тѣхъ поръ онъ новой жизнью жилъ;

Аксюта стариковъ любила,

Веселый правъ ея, живой,

Дарилъ имъ радость и покой.

И вотъ любитъ Кирило

Племянницей—она прядетъ

Волну, и пѣсенку поетъ.

XXVI.

Но ктожъ въ восторгѣ молчаливомъ
 На эту дѣву не глядитъ?
 Румянцемъ яркимъ и стыдливымъ
 Лицо веселое горитъ;
 Какъ звѣзды тихой, лѣтней ночи
 Свѣтлы задумчивыя очи;
 Какъ зорька, утра красота,
 Зардѣлись алыя уста.
 Какіе дѣвственныя звуки
 Изъ этой груди молодой
 И бьютъ и зыблются волной!
 Какъ полны плечи, бѣлы руки,
 Здоровьемъ дышетъ вся она,
 Дородно, сильно сложена!

XXVII.

Рабочихъ зорь полезный холодъ
 И нивы сельскія даютъ
 И свѣжій умъ, и здравый голодъ,
 И крѣпкій сонъ поконитъ трудъ.
 Покой усталымъ людямъ нуженъ;
 Безмолвно совершивши ужинъ,
 И мирно Богу помолясь,
 Семья по лавкамъ улеглась.
 Луна веселыми лучами
 Въ окнѣ играла; ужъ крыломъ
 Пѣтухъ ударилъ; надъ дворомъ
 Небесный сводъ сіялъ звѣздами
 И часъ полночи наступалъ—
 Чу! кто-то въ двери застучалъ.

XXVIII.

Друзья! зачѣмъ въ дремотѣ сладкой
Семью тревожить намъ теперь?
Мнѣ жаль, что въ этотъ часъ украдкой
Незванный гость стучится въ дверь.
Постой, пегасъ, ты знаешь слово:
Что и Татарины лихова
И Англичанина, ей-ей!
Намъ гость не во время скучнѣй.
Крылатый конь! вздохни покуда, —
Намъ предстоитъ далекій путь:
Въ Москву мнѣ надо заглянуть, —
Намъ верстъ пятьсотъ тянуть отсюда!
Тамъ въ бѣлокаменной другой
Живетъ для повѣсти герой.

Пальна.

Ноября 1-го. 1834.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Блистали ложки золотыя,
Народу тьма — и часъ насталъ,
Желанный часъ, когда впервые
Мочаловъ Гамлета игралъ!
Я помню этотъ день чудесный!
Шекспиръ, по слухамъ намъ извѣстный,
И нашу сцену посѣтилъ:
Какъ будто стройный рядъ свѣтилъ
Прошли невиданныя сцены.
Намъ открывался новый свѣтъ,
Пока не вывѣдалъ Гамлетъ
Братоубійственной измѣны,
Какъ «звѣрь подстрѣленный» вскочилъ
И смѣхомъ кровь заледенилъ!

II.

Народъ весь дрогнулъ — страхъ и холодъ
 Его объялъ! И разъ за разъ
 Тутъ сердце стукнуло какъ молотъ....
 Но мигъ прошелъ — и разразясь
 Неслыханнымъ, безумнымъ трескомъ
 Толпа и воплями, и плескомъ
 Взгремѣла!! Этотъ страшный гулъ
 Казалось, своды пошатнулъ!
 А онъ, онъ гордый, съ ликомъ блѣднымъ,
 Въ красѣ трагической своей
 Стоялъ, какъ пѣкій чародѣй,
 Смѣялся хохотомъ побѣднымъ,
 И вѣчно памятенъ для всѣхъ
 Остался этотъ грозный смѣхъ!

III.

Тогда, какъ дѣйствіе кончалъ
 Надъ сценой занавѣсъ упалъ,
 И вновь «Мочалова!» зывая
 Партеръ стучалъ, раѣкъ стоналъ,
 Тогда шумящею толпою
 Сбѣгая лѣстницей витѣю,
 Внизу сошелся сонмъ друзей
 Тогдашней сцены и искусства.
 Неясенъ былъ ихъ рѣчи звукъ,
 Въ объятіяхъ, въ пожатіяхъ рукъ,
 Спѣшило выразиться чувство —
 И вотъ въ кофейную, тѣснясь,
 Толпа ихъ шумно понеслась.

IV.

Ужь тамъ стояла мгла сѣдая,
 Въ дыму тусклѣль огонь свѣчей
 И сотней трубки набивая,
 Шнырялъ услужливый лакей.
 Ужь въ уголъ отдаленный залы
 Собрались дружно театралы —
 И тише сталъ ихъ разговоръ:
 Ихъ занялъ всѣхъ ученый споръ,
 Тотъ споръ еще до ихъ прихода
 Вели два зрителя давно,
 Усѣвшись съ чаемъ на окно,
 Вдали отъ празднаго народа,
 Одинъ, разчетливый въ словахъ,
 Въ перчаткахъ бѣлыхъ и въ очкахъ.

V.

«Нѣтъ, нѣтъ, профессоръ! какъ хотите» —
 Его противникъ говорилъ,
 «Не такъ на дѣло вы глядите!
 «Васъ Тикъ и Шлегель съ толку сбиль,
 «Совсѣмъ не въ этомъ наша сила...»
 «Да чтожь, не лзя смотрѣть, мой милый,
 Шекспира въ этомъ тѣни нѣтъ!
 Вашъ средній кругъ и высшій свѣтъ,
 И вашъ народъ — такія дѣти!
 Что такъ въ восторгъ приводитъ ихъ?
 Плохъ переводъ, не вѣренъ стихъ,
 Балетные костюмы эти!...
 Да гдѣ-жь вамъ и актеровъ взять
 Въ Шекспирѣ роли понимать?»

VI.

«Гдѣ взять? у насъ! Въ томъ наша слава,
 Что быстро школу мы прошли,
 Не въ ней своимъ талантамъ право
 А въ силѣ собственной нашли.
 Значенье наше тѣмъ велико!
 Не онъ ли началъ съ Полинника,
 Мочаловъ нашъ? съ недавнихъ поръ
 Онъ былъ и Фердинандъ, и Моръ,
 Но чимъ онъ формамъ покорился?
 Вездѣ его таланта лучъ
 Своеобыченъ и могучъ.
 Какъ метеоръ онъ намъ явился
 И одиноко догорѣлъ—
 Но въ немъ даръ русскій уцѣлѣлъ!

VII.

За тѣмъ въ немъ что-то есть такое,
 То, чѣмъ игра его жива,
 И на него, какъ на героя,
 Смотрѣть стекается Москва
 И цѣнить даръ его высоко!
 Такъ самъ Шекспиръ, когда глубоко
 Художника съ Гамлетомъ слилъ,
 Актёра намъ опредѣлилъ:
 Вотъ этѣ чуйки, лисьи шубы,
 Имъ развѣ надобенъ Гамлетъ?
 Имъ до Гамлета дѣла нѣтъ,
 Какъ и Гамлету до Гекубы!
 Но вѣрьте мнѣ, изъ роду въ родъ
 Межъ нихъ Мочаловъ не умретъ!»

VIII.

И тутъ, въ молчаніи глубокомъ,
 Раздался рѣзкій звонъ въ дверяхъ,
 И ринулся народъ потокомъ
 По корридорамъ и въ сѣняхъ.
 Начался актъ—и опустила
 Кофейная. Едва горѣла
 Во мглѣ печальная свѣча.
 Одинъ нашъ риторъ съ-горяча
 Все рѣчь держалъ: «друзья! оставимъ
 Себѣ на память этотъ часъ!
 Гамлетъ пойдетъ еще сто разъ,
 Теперь Мочалова прославимъ—
 Налейте въ честь ему со мной
 Вы первый кубокъ круговой!»

IX.

Сказалъ—и тихо, и спокойно
 Студенты вышли на подъѣздъ.
 Колонны тамъ бѣлѣли стройно;
 Лучи морозныхъ, яркихъ звѣздъ
 Надъ темной площадью горѣли;
 И тамъ и сямъ костры виднѣли,
 Бросая красный полусвѣтъ;
 За ними черныи рядъ каретъ
 Казался тучею густою;
 И сквозь оконное стекло
 Игриво, весело, свѣтло,
 Огнистой, длинной полосой
 Иллюминированный кругомъ,
 Сіялъ на право бѣлый домъ.

X.

Куда, куда пора дѣвалась,
 Какъ изъ театра, завсегда,
 Къ тебѣ обычно направлялась
 Студентовъ истыхъ череда,
 Домъ Полторацкаго! Давно-ли?...
 Ахъ, лѣтъ пятнадцать, или болѣ,
 Я долженъ съ грустію сказать!
 Друзья, о чемъ намъ воспѣвать,
 Когда теперь безъ оговорокъ,
 Что прожито—осуждено,
 Объ чемъ не вспомнишь—все давно,
 Когда намъ скоро будетъ сорокъ.
 А онъ, великій нашъ поэтъ,
 Грустилъ не вступно въ тридцать лѣтъ!

XI.

Но пусть же радость вдохновенья
 Меня покинетъ на всегда,
 Когда предамъ я вамъ забвенью
 Протекшей юности годѣ!
 Хотя иногда текли вы шумно,
 Хотя увлекались неразумно
 Подъ-часъ мы страстью и мечтой,
 За то съ какою теплотой
 Мы убѣжденія хранили,
 Сознанья перваго плоды!
 Надежды пылкія, мечты,
 Друзья, все вмѣстѣ мы дѣлили.
 И силой юныхъ, общихъ думъ
 Мужалъ тогда свободный умъ.

XII.

Бурливое минуло время,
 А съ нимъ шумъ оргій позатихъ;
 И Полежаевское племя
 Гулякъ талантливыхъ, лихихъ,
 Ужь выбывало. Въ наши гòды
 Уже квартиръ казенныхъ своды
 Не оглашалъ свирѣпый вой
 Рѣчей за чарой круговой.
 Не тотъ ужъ былъ трактиръ «железный»
 Когда бывало—«пуншъ хлесталъ!» (*)
 Кружокъ студентовъ тише сталъ,
 Науки новой трудъ полезный
 Крутые нравы усмирилъ
 И чай имъ пиво замѣнилъ.

XIII.

«Шесть паръ» разбавивши водою,
 Тѣсняся за однимъ столомъ,
 Бывало мы, своей семьею,
 Бесѣду за полночь ведемъ!
 И на застольномъ нашемъ вѣчѣ
 Тѣ неподслуханныя рѣчи
 Уже не повторяются вновь,
 Какъ наша младость, какъ любовь!
 Блаженъ, кто стихъ невозвратимый,
 Стихъ юный другу передалъ!
 Блаженъ, кто счастье знавалъ
 Съ подругой вѣрной и любимой
 Себя забыть, весь свѣтъ забыть,
 И долго, долго говорить!

(*) Стихъ изъ поэмы А. Полежаева.

XIV.

Но что всегда впередъ свѣтило
 Младымъ друзьямъ наукъ и музъ,
 Что навсегда опредѣлило
 Тогдашней юности союзъ,
 То было—полное равенство!
 Родной науки совершенство,
 И мысли родственная связь!
 Ты будь хоть дворянинъ, хоть князь,
 Семинаристъ, или разночинецъ—
 Ничто не убавляло правъ
 Товарища! Такой ужъ правъ
 Намъ бурса принесла въ гостинецъ!
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаюсь вамъ,
 Презрѣнье къ моднымъ господамъ!

XV.

И былъ ихъ врагъ непримиримый
 Начатой повѣсти герой,
 Сосновъ, нашъ сѣніоръ любимый,
 Товарищъ и пріятель мой,
 Наслѣдство получивъ отъ дяди,
 Не сдѣлалъ въ службѣ онъ ни пяди—
 И на-зубъ лецкій не училъ.
 Не кончилъ курсъ, и съ нами жилъ,
 Дней Полежаевскихъ останокъ,
 Художникъ смѣлый и поэтъ,
 И въ цвѣтѣ силъ, и въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Безъ горя знавшій спозаранокъ
 Томленье мысли и тоски,
 Студентъ до гробовой доски!

XVIII.

Мануфактуры и заводы
 Едва ли тамъ привьете вы,
 Гдѣ съ роду изъ степи подводы
 Не доходили до Москвы.
 Отдать ли землю въ содержанье
 Тамъ, гдѣ еще размежеванье
 Нарочно длить у васъ сосѣдъ?
 Гдѣ даже отдыха вамъ нѣтъ
 Отъ дѣлъ судебныхъ за потраву!
 И гдѣ народъ вашъ добрый самъ
 Уступить въ лѣни — только вамъ!
 Хоть лѣтомъ трудится на славу,
 За то зимой на славу пьеть
 И въ барскомъ закомѣ живетъ?

XIX.

Соснову этѣ возраженья
 Конторщикъ старый говорилъ.
 Но всё-таки его стремленья
 И замысловъ не охладилъ.
 Онъ понялъ, что въ степи привольной
 Простору много, силъ довольно,
 Что можно жить въ степи купцомъ,
 Торгуя хлѣбомъ и скотомъ.
 Что оборотливость такая
 Понятна будетъ мужику.
 Онъ думалъ, что его тоску
 Убьетъ дѣятельность живая,
 Что только нуженъ капиталъ —
 И денегъ, денегъ онъ искалъ!

XX.

И вотъ проценты начитая
 На сумму сдѣланныхъ долговъ,
 Къ нему уже стекалась стая
 Заманчивыхъ ростовщиковъ.
 Чѣмъ свѣтъ будилъ его въ постелѣ
 И сводчикъ въ фризовой шинели,
 И смѣлый, ловкій афферистъ
 Привѣтливъ, вкрадчивъ и рѣчистъ,
 Ему доказывалъ такъ ясно —
 Какъ будетъ малъ ему барышъ,
 Что дѣлъ ужъ нынче не съютишь,
 Что безъ залогу дать опасно....
 Но что ему онъ радъ душой
 Отчесть на вексель крѣпостной.

XXI.

Покончивъ сдѣлки, совѣщанья,
 Въ трактирѣ съ самаго утра
 Сошлось жадное собранье;
 Ростовщики и маклера
 И съ книгами, и съ векселями,
 Расписки бранныя рублями
 Взялись Соснову размѣнять.
 Ему осталось подписать
 Еще одну бумажку съ ними:
 Формально — крючкодѣйный актъ,
 Ни запродажа, ни контрактъ,
 Съ процентами десятичными!
 Студентъ взглянулъ — и заключилъ
 И двадцать тысячъ получилъ.

XXII.

Кажись пирушкою богатой
 Тутъ отъ чего-бъ не загулять?
 За все вино двойною платой
 Безъ счету, смѣло отдавать,
 Къ обогащенію буфета
 Кутить до самаго до свѣта,
 Таковъ обычай богачей.
 Но въ простотѣ души своей
 Одной бутылкою Донскѣва
 Мы кончили заздравный тостъ!
 Нашъ ужинъ скромнѣе былъ и простъ,
 Притомъ намъ было жаль Соснова,
 А полученный капиталъ
 Намъ страхъ ребяческій внушалъ.

XXIII.

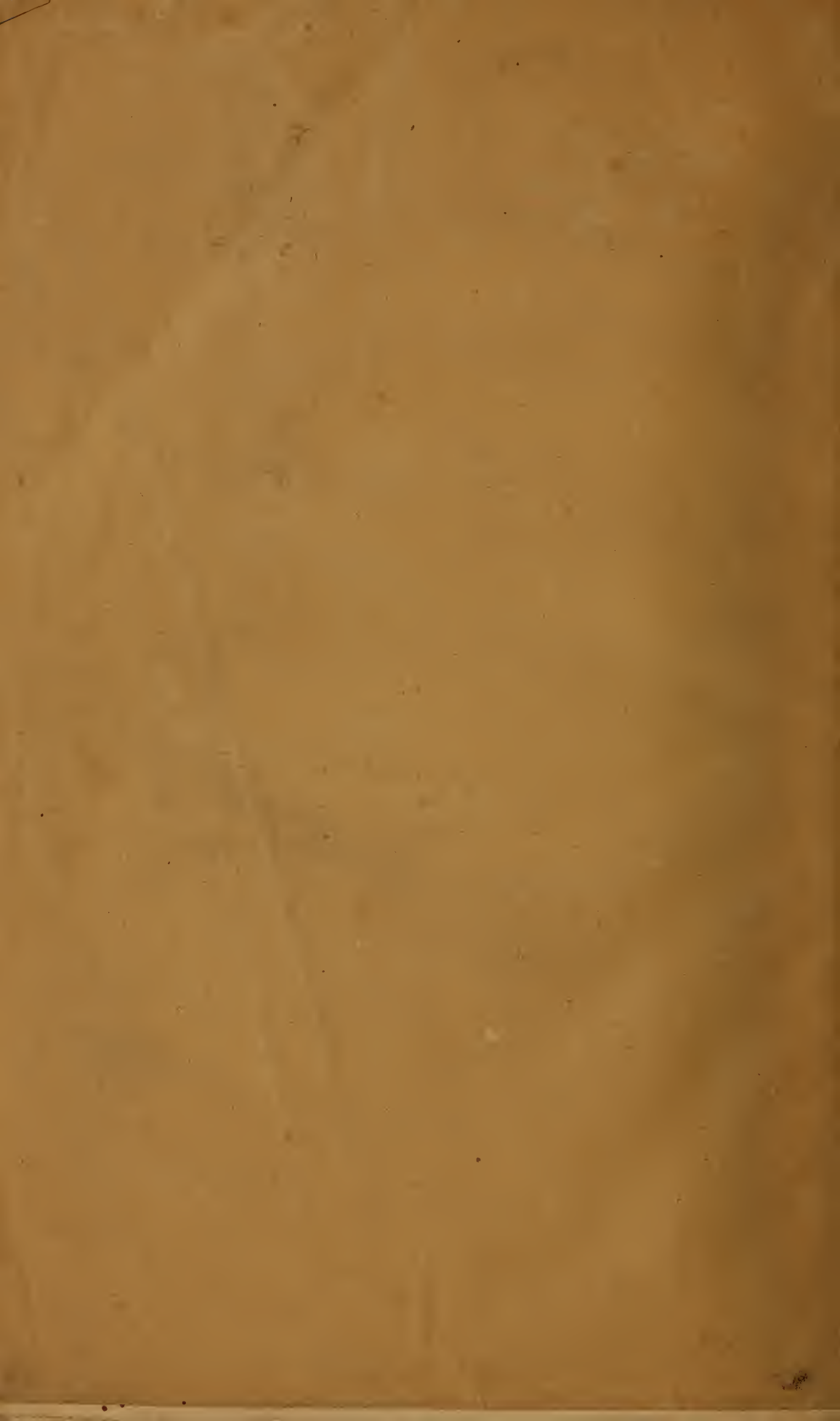
Когда мы стали расходиться
 Сосновъ былъ грустенъ; въ этотъ часъ
 Съ Москвой онъ долженъ былъ проститься,
 А мы разстались въ первый разъ
 Съ товарищемъ! Но повторялись
 Дни эти часто: мы прощались
 Друзья, на цѣлый вѣкъ съ инымъ
 Не зная этого; съ другимъ
 Надолго. Годы уходили,
 Шла жизнь путемъ своимъ — и вдругъ,
 Когда въ глуши неожиданный другъ
 Встрѣчается! Какія были
 Тутъ встрѣчи! Брату кровный братъ
 Не будетъ въ жизни больше радъ.

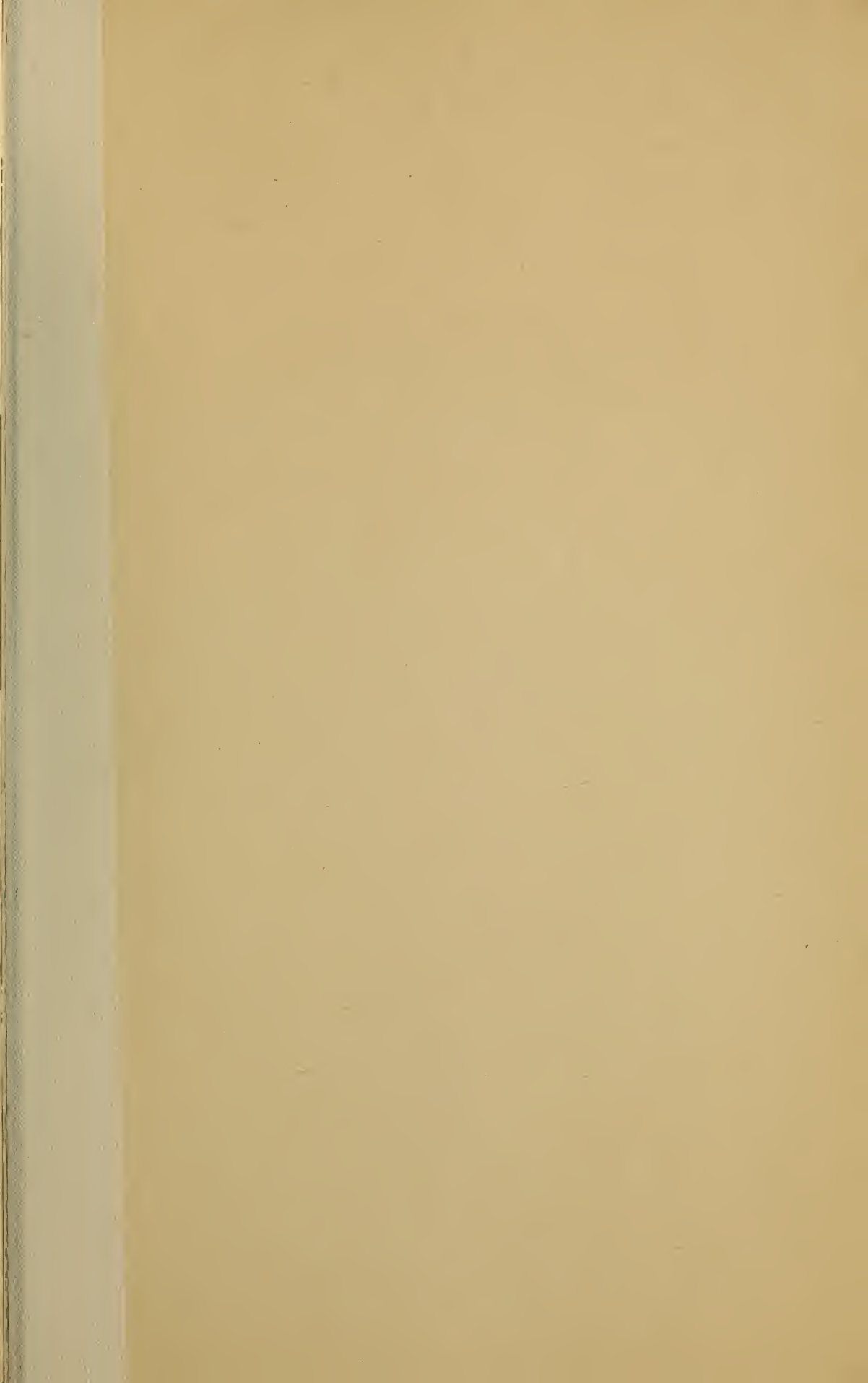
XXIV.

На утро — посудите сами,
Что тутъ была за радость намъ
Когда за чайными столами
Опять Сосновъ явился самъ!
Вемоoster Bursch не могъ рѣшиться
Такъ прозаически проститься
Съ своимъ студентчествомъ, съ Москвой,
Остался на день, на другой,
Послалъ прикащика въ имѣнье....
Но о довѣренномъ лицѣ
Мнѣ долго объяснять въ концѣ
Моей главы; его значенье
О муза русская, со мной
Ты новой пѣсней воспой!

1857 г. 14 Октября.

Елецъ.

LIBRARY OF CONGRESS

00025293484